

В. А. Дятлов

Чернігівський державний педагогічний університет

**РЕФОРМАТОРЫ И ПРОБЛЕМА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
«БОЛЬНОГО» ОБЩЕСТВА
(идеи и опыт реформационного движения
в Германии 1517–1525 гг.)**

Проаналізовані позиції реформаторів по відношенню до тієї частини населення, яка не бажала прийняти церковну реформу. Розкрита роль людського (особистісного) фактора в поширенні та популяризації реформаційних ідей.

Социальные, политические и религиозные перевороты, реформации и революции начинаются с образования небольшой группы людей, которые стремятся изменить жизнь в соответствии со своими идеями, замыслами и программами. Оппозиционность большинства населения, его негативное отношение к церкви, власти, общему социальному порядку длительное время проявляются в виде смутно выраженных настроений, критических высказываний, стихийных возмущений, которые лишены цельности и идеологического обоснования.

В этой связи особый интерес представляет вопрос о мироощущении людей, которые вступают в конфронтацию с мощной государственной системой, церковной организацией, ее институтами и вероисповеданием. Как объясняет небольшая группа свое право на протест, на обновление всего общества и христианства? Какими методами она пытается провести реформы и привлечь на свою сторону большинство населения, изменить его мировоззрение?

В исторической литературе главное внимание уделяется реформационным учениям о праве на сопротивление властям и папской иерархии, в то время как изучение отношения реформаторов к той части общества, которая в большинстве своем не принимает реформы, остается на периферии академического интереса.

Реформация в Германии начиналась с образования небольшой группы диссидентов в Виттенберге, маленьком захолустном город-

ке, который быстро стал центром и символом противостояния провинции могущественной столице, Риму. В первые годы Реформации, когда Лютер и его соратники еще представляли собой «маленькую горстку» единомышленников и преследовались церковью и властью, они говорили о себе как о настоящих борцах, мучениках, страдальцах за правду, какими были в свое время Христос и апостолы. Убеждение в том, что «весь мир» ополчился на тех, кто посмел выступить против лжи, усиливало их веру в свою особую миссию по обновлению всего христианства и спасению греховного мира, создавало им ореол героев и мучеников¹.

В среде антикатолических кружков и группировок, рекрутировавшихся из теологов, монахов, священников, которые вчера еще были мало кому известны, рождается идея духовного превосходства, которая красной нитью проходит через всю Реформацию. Довольно популярными становятся слова Лютера, утверждавшего, что «все Писание свидетельствует о том, что гонители и завистники обычно действуют несправедливо, а гонимые – праведно, и что во все времена большая часть людей поддерживает ложь, а меньшая – правду»². Однако в борьбе за преобразование мира, когда уже сформулирована в общих чертах программа нового общества, реформаторы сталкиваются с тем, что большинство людей не спешит принять ее, остается глухим к голосу разума и не торопится расставаться со старыми верованиями и ценностями. В таких условиях в среде «маленькой горстки», оппозиции, рождается образ «больного» общества, которое надо избавить от страшных недугов. Небольшое, хорошо организованное меньшинство начинает делить людей на тех, кто принимает новые идеи и новое учение, и тех, кто продолжает придерживаться прежних духовных устоев, враждебно или с трудом воспринимает вводимые новшества. Последняя категория в первые годы Реформации получила уничижительные названия, – «слабые», «больные», «немошные», – которые широко использовались в публицистике, литературе, повседневном общении. Эти медицинские и физиологические термины стали широко употребляться во время революционных кризисов Нового времени для характеристики тех, которые не готовы были принять реформы и новые общественные отношения, а оставались приверженцами старого уклада жизни. В гла-

зах реформаторов и революционеров они выглядели «несознательными», духовно ущербными и, естественно, такими, которых необходимо «лечить» и исправлять.

Можно напомнить, что подобные «обидные» названия возникали, как правило, во время всех крупных революций. В России после революции 1917 г. долго бытовало понятие «бывшие», обозначавшее остатки высших сословий. Позднее, после революционных потрясений новейшего времени, появилось понятие «совки» – те, кто придерживался советской ментальности и не спешил принять новые либеральные ценности.

Проблема этой, «больной», части общества есть центральной для революционеров и реформаторов, пытавшихся изменить мир и перестроить его на принципах социальной гармонии, счастья и справедливости. Она является также проблемой цены реформ и революционных преобразований.

В предельно напряженной форме накануне великих потрясений XX ст. проблема «больной» части общества была поставлена Достоевским. В романе «Бесы» Верховенский в риторической форме задает этот «главный вопрос»: «Я вас спрашиваю, что вам милее: медленный ли путь, состоящий в сочинении социальных романов и в канцелярском предрешении судеб человеческих на тысячи лет вперед на бумаге... или вы держитесь решения скорого, в чем бы оно ни состояло, но которое, наконец, развяжет руки и даст человечеству на просторе самому социально устроиться, и уже на деле, а не на бумаге?» Но как быть с теми «ста миллионами голов», которые «больны» и мешают достичь социальной гармонии, избавиться от деспотизма? Верховенский с фанатичной убежденностью истинного революционера заявляет: «неизлечимо больной все равно не вылечится... а, напротив, если промедлить... перепортит все свежие силы, на которые теперь еще можно рассчитывать. Я согласен совершенно, что либерально и красноречиво болтать чрезвычайно приятно, а действовать – немного кусается...»³. Достоевский дает обобщение не только революционных опытов своего века, но и ссылается на более раннюю эпоху – эпоху Реформации, с ее религиозным фанатизмом в преобразовании общества и веры. В идее «гуманного» насилия над совестью и душой социально «больных» ради быстрого создания

общества, где будет царить вечное счастье и социальная гармония, писатель пророчески усмотрел путь к грядущим катастрофам.

Подобные вопросы и ответы, на удивление похожие друг на друга даже в тестовом оформлении, можно найти в политических заявлениях и высказываниях вплоть до наших дней. Достаточно напомнить слова одного из российских политиков о необходимости лечить «больное общество» против его воли, поскольку оно не понимает опасности своей болезни.

Вопрос о «слабых верой» стал камнем преткновения реформационных программ Лютера, Карлштадта и Мюнцера, представлявших основные направления реформационного движения.

В борьбе за души большинства членов общества реформаторы выделяют из «больных» в первую очередь элиту, папский клир и связанных с ним светских «тиранов», которые его поддерживают и вводят в обман простых, неискушенных в теологии верующих.

Набор обличений папской церкви и «тиранов» в реформационной публицистике довольно прост: иерархия погрязла в коррупции — лены, должности, отпущение грехов продаются; клир посеял разврат не только в церкви, но и в обществе; ложь, обман стали нормой его учения и проповеди. Власти и священники паразитируют и живут за счет тяжкого труда простого народа. В этом хоре отчетливо звучит нота о том, что римская церковь — это «чужая церковь», а все римское является ничем иным как «дьявольской порчей», наносным и враждебным Евангелию.

Резкая критика папской курии служила, в конечном счете, разрушению мифа о ее непогрешимости, развенчанию личности папы и, в силу этого, дискредитации всей церковной системы, что в целом выступало оправданием ее разрушения. Таким образом, налицо вполне сознательная попытка создания образа папской церкви, все авторы которого спекулируют на нравственных чувствах и социальном недовольстве верующих. Такая атака на светских и духовных «тиранов» предполагала настроить людей на борьбу с ними.

Не менее страшной виной светских и духовных «тиранов» реформаторы считали их сопротивление новому движению и репрессии против «истинных проповедников»⁴. Иными словами, «старый ре-

жим» оказался ответственным и за то, что существует, и за то, что сопротивляется тем, кто пытается его разрушить.

По отношению к высшим церковным кругам все реформаторы сходились в убеждении о необходимости беспощадной борьбы с ними. Лютер предлагал действовать с помощью арсенала политических средств, привлечения на свою сторону князей, элиты крупных городов, представленной в рейхстаге. Правда, в первые годы антикатолического движения реформатор готов был призывать и к более радикальным средствам в борьбе против папистов.

Для достижения этой цели необходимо было привлечь на свою сторону большинство населения, простых ремесленников и крестьян, найти у них поддержку, без которой преобразования были бы невозможны. Лютер считал недопустимым жесткое и бескомпромиссное отношение к простым верующим, которые остаются сторонниками старого вероучения и доверяют папе. На протяжении всей своей реформаторской деятельности он последовательно отстаивал сформулированный им принцип толерантного отношения к «большим» и «слабым», т. е. сторонникам старой веры, доказывал необходимость проповеди, терпеливого разъяснения им их заблуждений, сути и верности нового учения. Такие действия в конечном счете должны были привести к добровольному и сознательному отказу от папской церкви, духовному, а не физическому мятежу и тем самым не дать «папистским тиранам» повода задушить Реформацию.

Он выделял разновидность людей, которые бесхитроостны, невежественны, «немоцны в вере» и «не могут пока еще осмыслить свободу веры», и советовал подходить к ним осторожно, «чтобы не оскорбить их чувств», «уступать их слабостям до тех пор, пока они не укрепятся в вере». По его словам, «они думают и поступают по-своему не оттого, что они упрямствуют в своих пороках, но лишь потому, что их вера слаба, посты и все другое они считают необходимым». В этих условиях надо дать им возможность придерживаться старого и привычного для них вероучения, чтобы «не оскорбить их»⁵.

Обосновывая необходимость мягкого отношения к такой категории верующих, реформатор исходил из того, что насильственное и бесцеремонное отношение к их религиозным чувствам может вызвать массовое недовольство, непонимание и неприятие Реформации

и в конечном итоге погубить дело Евангелия. Отсутствие массовой поддержки широких слоев общества дало бы основания высшему клиру и властям подавить реформационное движение. Надеясь провести реформы с помощью светских властей, он хорошо осознавал, сколь важно в этом процессе учитывать позицию простого народа.

Для Лютера, никогда не знавшего сомнений в том, что надо исцелить «больное» общество, идея толерантности была основой стратегии и тактики осуществления преобразований. Это не меняло, однако, его авторитарного отношения к большинству – для него оно оставалось массой, которую он как истинный пастырь должен вывести из мрака заблуждений и греха.

Карлштадт, напротив, опираясь на опыт первых преобразований 1521–1522 гг. в Виттенберге, решительно отбросил идею постепенного, медленного, спокойного осуществления реформ, возможность компромиссов и соглашений с властями и церковной иерархией. Реформы надо проводить быстро, решительно и заставить всех «слабых» и «больных», включая власти, жить по единому Божественному Закону. Он исходил из того, что бесполезно только призывать к человеческому милосердию, любви, доброте, к достижению всеобщего блага и вечной жизни. Большинство – это слабые, нравственно больные, уязвимые и морально увечные люди. Им и невдомек, что они попали в сети лукавого и что без посторонней помощи им не выбраться. Еще более грешные те, кто сознательно вводит их в обман и кто умышленно продолжает делать это страшное зло. Речь в данном случае шла о священниках, епископах, теологах, римской курии.

Слабость человека проявляется еще и в том, что он легко поддается дьявольским искушениям и соблазнам. Простому человеку, которому, несмотря на то что он превосходит сильных мира сего в своем благочестии, из-за вечных повседневных забот о хлебе насущном, о том как выжить и не погибнуть в бурном житейском море, среди всеобщей стихии, некогда думать о своем нравственном совершенствовании. Он также пренебрегает истинной верой и поддается соблазну идолопоклонства. В таком случае выход один – надо поставить на пути греха единый, нравственный Закон, который Бог дал людям на все времена и который дает возможность безошибочно

отделить зерна от плевел, осудить грешников и заставить их быть праведными.

Карлштадт призывает действовать, не останавливаясь перед тем, что «враги Евангелия, против которых направлено Евангелие, могут поднять мятеж и озлобиться»⁶. Грешниками, по его убеждению, являются также те, которые знают о заблуждении «слабых», но ничего не делают, чтобы освободить их из плена папской церкви. Он хорошо понимал, что большинство людей не спешит отказываться от старого вероучения и продолжает грешную жизнь, даже не задумываясь, насколько они заблуждаются. Как быть с ними? Растолковывать и убеждать, как предлагал Лютер? Ответ Карлштадта был ясен и предельно прост – надо спасти их против их же воли.

Учение Лютера о толерантном отношении к «слабым» исключало право квалифицировать эту категорию верующих как преступников, которые должны быть осуждены по Закону. Напротив, Карлштадт вводит понятие «духовное преступление», которое в его представлении является более страшным, нежели «телесное» нарушение светских норм и правил. Отождествляя грех и преступление, он тем самым создавал почву для подчинения светского права Божественному Закону, в свете которого вероотступники подлежат суровому наказанию. Физическое убийство, согласно его теории, – страшное преступление, но еще страшнее – «убийство души». В контексте таких размышлений католическая церковь выступала как самый страшный преступник, который губит самое дорогое, что есть у человека, – душу. Его возмущает, что за телесные преступления князя наказывают подданных вплоть до четвертования, а духовные остаются безнаказанными⁷.

Реформатор исходил из того, что Истина и непреложные нормы жизни людей известны и четко сформулированы в библейских заповедях. Божественное происхождение этих норм и ценностей обязывает людей неукоснительно соблюдать их и действовать в соответствии с ними в повседневной жизни⁸.

Карлштадт с горечью писал о том, что непоследовательность Лютера и «виттенбергских кутил», их осторожность и стремление учитывать политические и другие обстоятельства, привели к тому, что реформы проводятся медленно, а позиции старой церкви остаются прочными. Реформатор сокрушался о том, что общество опаз-

дывает с проведением реформ: «мы должны честно признаться, что мы сами виноваты в том, что и в учении, и в делах не торопимся строго выполнять Божьи заповеди, а дожидаемся, пока этому последуют наши соседи и кутилы из Виттенберга»⁹. В этих словах достаточно ясно прослеживается несогласие со стратегией, предполагавшей медленные, постепенные изменения с помощью и участием властей. Карлштадт выражал настроения той части общества, которая скептически смотрела на возможность политическим путем решить религиозный вопрос и решительно отвергала идею Собора, вопрос о созыве которого неоднократно поднимался на рейхстагах¹⁰. Он отстаивал идею, согласно которой Божественная истина, Божьи заповеди выше авторитета какой бы то ни было светской власти. Поэтому христиане вправе действовать вопреки воле властей, если речь идет о выполнении Божьей воли: «там, где властвуют христиане, там они не должны смотреть ни на какие власти, а независимо от них, без всякой проповеди вырубить и выбросить все, что противоречит Богу»¹¹.

Главную роль в проведении реформ Карлштадт отводил общине¹². Однако она бессильна осуществить их без активной позиции личности, которая не только сама усвоила Божьи заповеди, но и делает все, чтобы другие следовали ей¹³. Он исходил из необходимости принуждения «слабых» к Евангелию, причем считал, что это делается для их же блага: «Мы должны отнять у слабых все эти вредные вещи, вырвать их из рук и не обращать при этом внимания на то, что они будут плакать, огрызаться или прятаться. Наступит время, когда нас станут благодарить те, которые сейчас избегают или преследуют нас»¹⁴.

Подобно тому как реформатор подчиняется Истине, так должны подчиняться ей и окружающие его люди для их же блага, поскольку она имеет Божественную природу и какие бы то ни было «человеческие» доводы и обстоятельства бессильны перед ней. Исходя из этого, Карлштадт возводил Истину в Закон, который следует неукоснительно соблюдать¹⁵.

Спор Карлштадта и Лютера по вопросу о «слабых» имел далеко идущие последствия. Реформаторы разных направлений в той или иной степени были втянуты в эту дискуссию и пытались высказать свое мнение по поводу методов проведения реформ. Примечательна

в этом отношении позиция страсбургских реформаторов Мартина Буцера и Вольфганга Капито. В 1524 г., очевидно под впечатлением короткого пребывания Карлштадта в Страсбурге, Капито издает свое сочинение под весьма красноречивым заголовком: «Чего следует ожидать от разногласий между Мартином Лютером и Андреасом Карлштадтом».

Страсбуржцы разделяли положение Лютера о том, что реформы надо проводить мягко, осторожно, с оглядкой на слабых в вере. Все должно быть хорошо продумано и совершаться с согласия властей, не спеша, чтобы «в спешке не навредить делу»¹⁶.

Для Буцера и Капито вопрос о «слабых» был вопросом стратегии и тактики, которые, как известно, могут меняться в зависимости от социальной и политической обстановки, поэтому, считали они, можно жертвовать своей «непримиримостью» и своими принципами, допускать сложную игру ради достижения главного. Карлштадт вывел этот вопрос за пределы стратегического и тактического поля. Для него это был вопрос служения Богу – терпеть грех или искоренять его в любых случаях и обстоятельствах.

Призыв быть толерантными друг к другу и не допускать нетерпимого отношения к сторонникам папской церкви, с которым Капито выступил в своем сочинении, был обусловлен политическими мотивами. Осторожность страсбургских реформаторов, которые с большой симпатией относились к программе и идеям Карлштадта, во многом была обусловлена опасностью не только репрессий со стороны властей, но и «левого» экстремизма. Наиболее яркий идеолог и лидер этого направления Томас Мюнцер доводит идею нетерпимого отношения к «слабым» до логического завершения: их надо силой, с помощью оружия заставить принять новые порядки, а несогласных отлучить от общества «избранных». Идея создания вооруженного союза для борьбы с папской церковью и «тиранами» является наиболее радикальным средством преобразования общества и избавления его от «больных», духовно ущербных людей.

Летом 1524 г. Мюнцер обращается к Карлштадту с предложением вступить в союз для борьбы с «безбожниками» и просит его привлечь в эту организацию своих сторонников и последователей в разных городах Германии¹⁷.

Свой отказ от вступления в революционную организацию Карлштадт обосновывал тем, что люди не могут создать справедливое общества, поскольку они будут утверждать свои человеческие законы и порядки, исходя из того, что им выгодно¹⁸. Вслед за Карлштадтом приглашение Мюнцера отвергла община Орламюнде¹⁹.

Позиция Мюнцера ясна: создание вооруженной коалиции сторонников нового учения для борьбы с «тиранами», «безбожниками» и всеми, кто поддерживает их. Лютер также понятен: надо идти на компромиссы и сотрудничество с властями, терпеливо относиться к «слабым», чтобы в конечном итоге провести реформы. У Карлштадта нет ясности взглядов в вопросе о том, как заставить сторонников папской церкви принять новое учение и, главное, как противостоять властям, которые не хотят проведения реформ, чинят препятствия и прибегают к репрессиям. Сопrotивляться. Но без насилия. Такую позицию можно характеризовать как активный «духовный мятеж». На практике это приводило к бессилию перед властями, у которых был мощный арсенал воздействия на массы. Находиться в состоянии противостояния властям на грани вооруженного конфликта удавалось недолго. Такое поведение все равно расценивалось как мятеж.

В деятельности Карлштадта и Мюнцера при всех различиях достаточно четко прослеживается революционный максимализм, истоки которого исходили из уверенности в правильности своих идей и своей непогрешимости. За словами о нетерпимости к «слабым» и «больным» просматривается репрессивный характер молодой протестантской культуры, стремление ее представителей коренным образом перестроить жизнь в соответствии с новыми догматами и принципами. Эти репрессивность и нетерпимость присутствуют во всех, даже самых умеренных реформаторских проектах. Непримириемость к прошлому, ко всему, что противоречит новому «верному и правильному» учению, становится основой для создания органов и структур сурового контроля за паствой. Они рекрутируют людей, которые в силу своих психологических, конъюнктурных и идейных убеждений готовы истово выполнять работу по наведению «чистоты» и порядка в обществе, наказывать и преследовать тех, которые отказываются идти в ногу с остальными. Великие идеи ярких и интеллектуально дерзких людей воплощают в жизнь люди с гораздо более скромны-

ми духовными возможностями и запросами, которые к тому же преследуют цели, далекие от замыслов их «великих» авторов.

Реформаторы смотрели на «большинство» как на «материал» для создания общества на принципах гармонии, справедливости и «общего блага». Только Лютеру удалось продвинуться дальше других по пути обновления духовной жизни. Однако и его замыслы оказались далеко не реализованными – европейское христианство оказалось глубоко расколотым и разделенным на враждующие конфессии. Проекты Карлштадта и Мюнцера потерпели неудачу. Причины этого следует искать не только в политических, социальных обстоятельствах того времени, но и в «человеческом факторе». «Слабые», «больные» не спешили менять свои взгляды и привычки и плохо поддавались перевоспитанию со стороны новых «пророков».

Примечания

¹Kaiser Gott und Bauer. Reformation und Deutscher Bauernkrieg im Spiegel der Literatur. – 2 Aufl. – Berlin, 1983. – S. 309.

²Фаузел Г. Мартин Лютер. Жизнь и дело. Биографический очерк и источники к биографии Лютера / Пер. с нем. Ю. А. Голубкина. – Т. 2: 1522–1546. – С. 221; Die Wittenberger Bewegung / Hrsg. von N. Muller // Archiv für die Reformationsbewegung. – 1909. – Jg. 6. – S. 295–296.

³Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 15 т. – М., 1990. – Т. 7. – С. 383–384.

⁴Die Wittenberger Bewegung ... – S. 296.

⁵Лютер М. Избранные произведения. – С. Пб., 1994. – с. 51.

⁶Barge H. Andreas Bodenstein von Karlstadt. – Leipzig, 1905. – Bd. 1. – S. 327.

⁷Karlstadt's Schriften aus den Jahren 1523.25 / Hrsg. von E. Hertzsch. – 1956. – Т. 1: Halle (Saale). – S. 77–78.

⁸Ibid. – S. 76.

⁹Ibid. – S. 80.

¹⁰Ibid. – S. 87.

¹¹Ibid. – S. 96.

¹²Ibid. – S. 76.

¹³Ibid. – S. 84.

¹⁴Ibid. – S. 88.

¹⁵Bubenheimer U. Scandalum et ius divinum. Theologische und rechtstheologische Probleme der ersten reformatorischen Innovationen in Wittenberg 1521–1522 // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kan. Abt. – 1973. – Bd. 59. – S. 263–342; *Bubenheimer U.* Luthers Stellung zum Aufruhr in Wittenberg 1520–1522 und frühreformatorischen Wurzeln des Landesherrlichen Kirchenregiments // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kan. Abt. – 1985. – Bd. 71. – S. 147–214.

¹⁶Looss S. Martin Buzer und Andreas Karlstadt. Persönliche Begegnungen und geistliche Positionen // Martin Buzer and sixteenth century Europe / Ed. by Ch. Krieger and M. Lienhard. – Leiden; N. Y.; Koln, 1993. – S. 319.

¹⁷Muntzer T. Schriften und Briefe. Kritische Gesamtausgabe / Unter Mitarbeit von P. Kirn; Hrsg. von G. Franz. – Guterslohe, 1968. – S. 415.

¹⁸Ibid. – S. 415–416.

¹⁹Hase E. Karlstadt in Orlamunde // Mitteilungen der Geschichts- und Altertumsforschende Gesellschaft des Osterlandes – Altenburg, 1858. – Bd. 4. – S. 108–109.

Надійшла до редколегії 10.03.05

І. О. Тарнопольська

Дніпропетровський національний університет

РОЯЛІЗМ ТА АНТИРОЯЛІЗМ: КЛАСИЧНИЙ ЗАХІДНОЄВРОПЕЙСЬКИЙ І МАРГІНАЛЬНІ ВАРІАНТИ

(Московське царство, Річ Посполита й українські землі)

Рассмотрены борьба и взаимовлияние идей роялизма и антироялизма в политической мысли XVI–XVII ст., их классический (западноевропейский) и региональные варианты, а также особенности политических теорий, исходя из конкретных условий религиозного развития различных стран.

Формування національних держав у Західній і Східній Європі та посилення абсолютистської влади в цих державах підштовхнули розвиток і, в той же час, «розділення» монархічної ідеї. Політична дум-